

Актер Василий ЛИВАНОВ:

АЛЕКСАНДР ЯКОВ

«Дружба дороже любви»

Андрей Морозов

Сегодня знаменитому российскому актеру Василию Ливанову исполняется 70 лет. В историю отечественного кино он вошел десятками ролей, но, пожалуй, если бы в его послужном списке была лишь роль Шерлока Холмса, его все равно узнавали бы на улицах любого города СНГ, да и не только СНГ. Ведь даже английские и французские критики называли его Холмса эталонным. Накануне юбилея **Василий ЛИВАНОВ** ответил на вопросы «Новых Известий».

— Василий Борисович, трудно поверить, что вам семьдесят! Как вы сами относитесь к этой дате?

— Мне и самому не верится. Настолько не верится, что для того, чтобы убедиться в этом, даже отрастил седую бороду.

— У актеров большей частью «торговой маркой» является лицо, а у вас голос. Долгое время в народе счи-

талось, что низкий с хрипотцой голос у вас из-за того, что вы много пьете или курите.

— Вот уже несколько лет я вообще не пью. Курю, правда, много. Но мой голос не связан с этим. Я сорвал его еще на съемках фильма у Калатозова. И, слава Богу, что это случилось, ведь я обрел такой индивидуальный голос, которому даже подражать нельзя.

— Невозможно не спросить про Холмса, по поводу того, что вы с Виталием Соломиным были признаны «лучшей парой континента»...

— Если быть точным: «Лучшей парой всех времен на континенте». Об этом написала «Дейли мейл». Наш фильм про Шерлока Холмса участвовал во внеконкурсной программе в Монте-Карло. Там была группа Би-би-си, и они пришли в восторг от фильма. Потом его показали по английскому телевидению. Показали с субтитрами так, чтобы был слышен мой голос. А французы в журнале, посвященном фестивалю, напечатали мою фотографию над фотографией жюри с заголовком «Лучший Шерлок Холмс — советский».

Окончание на стр. 5

«Дружба дорожке любви»

Окончание. Начало на стр. 1

— Вы бывали на Бейкер-стрит?

— После фильма неоднократно. Я подружился с организатором и директором музея Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221-бис, теперь он мой хороший друг. В этом музее есть моя фотография в роли Холмса, она висит над фотографией лучшего английского исполнителя. Сотрудники лондонского музея попросили меня что-нибудь подарить музею, и я выкупил на «Ленфильме» и подарил им каскетку и пальто «своего» Холмса. Кстати, если вы будете в Лондоне и побываете в музее на Бейкер-стрит, то можете там купить и мои фотографии в роли Шерлока Холмса.

— Все это вряд ли так уж удивительно.

Вы ведь выросли в театральной семье, и, говоря, вас крестил сам Василий Качалов?

— Да, он считается моим крестным.

— В те времена священники должны были сообщать о подобном на место службы...

— Если бы они сообщили на место службы Качалова, то его это никак не затронуло бы. Ведь и Качалов, и папа (актер Борис Ливанов. — Ред.) были беспартийными.

— Насколько в жизни вам помогало имя отца?

— Мне просто повезло. Ведь он мне не только физический отец. Он мой отец в искусстве, мой учитель и пример для подражания. Еще Честерстон сказал: «Надо внимательно выбирать родителей». Я выбирал очень внимательно и общение с отцом, с кругом его друзей — это моя школа в искусстве. У нас в доме перебивалась вся советская творческая интеллигенция.

— Московская школа, в которой вы учились, оказалась прямо-таки звездной. Там ведь кроме вас учились Андрей Миронов и другие будущие звезды нашего кино. Насколько помогали вам в жизни связи с выпускниками той школы?

— В той школе я действительно учился, но заканчивал другую — московскую среднюю художественную школу. Из той же школы у меня остался один друг, с которым меня связывает не только личная дружба, но и творческое содружество. Это композитор Геннадий Гладков. С ним мы дружим уже более 60 лет. Ни одну свою режиссерскую работу ни в кино, ни в театре я не делал без музыки Гладкова. Дружбы, конечно, помогали — настоящие друзья всегда помогают. А знаете, чем дружба отличается от любви? Любовь может быть односторонней, не разделенной, дружба же не может быть без взаимности.

— Среди ваших друзей был и Юлиан Семенов. Вместе с ним вы создали довольно успешный театр «Детектив». Почему же он закрылся?

— Потому что наступили такие времена. Наш театр некоторые типы из бывшего политуправления МВД с молчаливого согласия тогдашнего министра внутренних дел Ерина просто разгромили, устроили в его помещении вопреки указу президента Ельцина всякие коммерческие заведения — турбюро, антикварную лавку...

— Вы не пытались найти другое помещение?

— Дважды в одну реку не войти. Если наступают такие времена и начинаются такие отношения, то мучиться и искать помещение с трупной безденежностью актеров не стоит. Наш театр просуществовал с 1988 по 1992 год, мы побывали с гастролями в 15 городах Советского Союза. У нас был первый антрепризный театр, он назывался «Московский экспериментальный», потому что начальст-

во было в ужасе от нашей идеи, но мы сумели пробить ее. Сейчас кто-то пытается приписать себе в заслугу создание первой антрепризы, так вот — ничего не получится!

— К мультипликации у нас до сих пор относятся несколько свысока, мол, это искусство для детей. А как вы воспринимаете это искусство? Правда ли, что озвучить героя мультфильма — все равно что роль сыграть?

— Да, это можно уравнивать. Я ведь видел только нарисованный персонаж или куклу и должен был попасть в двигающееся изображение. Так было и с Карлсоном, и с крокодилом Геной, и с Удавом...

— А как у вас родилась идея создать «Бременских музыкантов»?

— Мы — я, Гладков и Энтин — хотели сделать музыкальный мультфильм. Проще говоря — мюзикл. Стали искать сказку, хотелось, чтобы она была доброй, веселой и талантливой. Нашли сказку братьев Гримм, но населили ее и другими персонажами, ведь у братьев Гримм не было ни Трубадура, ни принцессы. Да и сказка-то была всего в полторы страницы.

— Как вы отнеслись к киноэкранизации этого мультфильма?

— Никак. Это вообще к нему никакого отношения не имеет. Поделка какая-то.

— Вас приглашали к сотрудничеству?

— Нет. Они даже не платят нам, за ними до сих пор гоняется охрана авторских прав. За фильм они нам заплатили, не могли не заплатить. Но они же еще гоняют по стране спектакли, а сколько и где — неизвестно. Не хочу, не хочу говорить об этом! Противно просто. Противно, что известный всем артист Саша Абдулов позорит свою фамилию.

— А когда у вас «увели» идею «Андрея Рублева», не было обидно?

— Ой, ну когда это было. Кто старое помянет — тому глаз вон. В своей книге Андрон Кончаловский извинился передо мной, признался, что обязан мне.

— Почему вам вообще пришла идея снять фильм про Рублева?

— По своему первому образованию я художник. Тогда я побывал в Суздале, где мне и пришла та идея. Я хотел сам сыграть Рублева и поделился замыслом с Андроном и Тарковским. Что из этого получилось — известно.

— Что использовал из вашего замысла Тарковский?

— В моем замысле было сделать фильм черно-белым, а в финале показать в цвете фрески Рублева. Но, как говорил мне Маршак, у художника ничего украсть нельзя. Можно украсть золотые часы, но они редко бывают у настоящего художника.

— Не всякому актеру удастся попробовать свои силы в режиссуре. Вам повезло вдвойне — вы режиссер кинофильмов и мультфильмов. В каком амплуа работать интересней?

— Я окончил высшие режиссерские курсы. Моим педагогом был Михаил Ильич Ромм. У него получил диплом с отличием за мультфильм «Самый-самый». Как режиссер проработал в мультипликации шесть лет, за эти годы снял «По следам бременских музыкантов», «Фазтон — сын Солнца», полнометражную «Синюю птицу», сделал документальный фильм для телевидения, посвященный моему отцу «Борис Ливанов». А в 1997 году снял фильм «Дон-Кихот возвращается». Каждая работа интересна по-своему.

— Сейчас празднуют юбилей Дон Кихота. Его называют теперь первым анархистом. Вы с этим согласны?

— Нет. Он был первым коммунистом. Во-

первых, никакой он не рыцарь. Он старый идалго, который начитался основоположников рыцарства и решивший осчастливить человечество. Когда они с Санчо уходят осчастлививать человечество, Дон Кихот говорит: «Промедление смерти подобно». Потом эту же фразу говорил и Ленин. Я думаю, что это фатальное совпадение. Очень уж похожа коммунистическая идеология на Дон Кихота и его размышления. Или ты признаешь, что Дульсинея самая красивая женщина, или... пеняй на себя.

— Кроме придуманных литературных персонажей, вы ведь играли и вполне реальных исторических героев. Легко ли далась вам, к примеру, роль Дзержинского? Не было внутреннего отторжения?

— Не было. Потому что я играл не железного Феликса в длинной шинели, а преддверие этого. С ним не случилось еще этого перерождения. Играл господина в роскошной соломенной панаме, в белом чесучовом костюме и стростью. Я играл франта, который занимался революцией. Потом мне предлагали играть Дзержинского еще много-много раз, но я отвечал: «Дзержинский — это не амплуа».

— А в «Звезде пленительного счастья» вы сыграли Николая I. Волновались, наверное, в царском образе?

— Волнение было, когда я вышел на Дворцовую площадь и увидел выстроенные войска. У меня тогда даже слезы выступили на глазах, видел бы это мой дед! Видел бы он, что я играю царя, и передо мной на Дворцовой площади выстроились войска!

— Как вы относитесь к тому, что теперь российская культура...

— Зарубите себе на носу, молодой человек, что российской культуры не существует. Культура может быть только национальной. Есть татарская культура, есть башкирская культура, есть еврейская культура...

— Хорошо, вас не смущает, что сегодня русская культура постепенно размывается?

— Вопрос состояния искусства и культуры в стране — это вопрос национальной безопасности. Но в то же время глупо говорить, что русской культуре чужды общечеловеческие ценности. Кому они чужды — Толстому, Гоголю, Твардовскому? Но подмена наших ценностей чужими, все равно не пройдет. Все что взмывается на мутной волне, взмоется и уйдет в унитаз.

— Вы как-то сказали, что любой актер проверяется классикой. Почему именно классикой?

— Потому что она несет великую правду искусства. Она занимается жизнью человеческого духа. В классике всегда абсолютно выверены человеческие отношения и место человека в мире.

— А как же тогда авангард?

— Это один из рукавов или карманов на одежде, которую надевает на себя классическое искусство. Не более того.

— Вам не хотелось попробовать сделать что-то в подобном стиле?

— Я воспитанник классической русской школы, наследник своего отца — мхатовского актера. Я несу эту традицию и считаю, что выше ее ничего нет.

Как-то дирижер Владимир Федосеев спросил меня: «Вася, что всего труднее играть?» И я ответил: «Классику». И он согласился со мной. Хотя, наверное, можно облегчить себе жизнь и заняться авангардом...

— Но ведь говорят, что классика — это нафталин...

— Классика — это то, что живет с вами всю жизнь и сопровождает всю жизнь. Из нее вы черпаете нравственные силы.

СПРАВКА

Василий ЛИВАНОВ родился 19 июля 1935 года в Москве. В 1954 году окончил школу при Академии художеств, в 1958 году — Театральное училище имени Б.В. Шукина, в 1966 году — Высшие режиссерские курсы при Госкино СССР. Первую роль в кино исполнил в 1960 году в фильме «Неотправленное письмо». Среди его ролей — Дзержинский в «Синей тетради», Николай I в «Звезде пленительного счастья», Бенедиктус в «Ярославне, королеве Франции». Самая известная его роль — Шерлок Холмс из киносерии режиссера Игоря Масленникова. Ливанов несколько лет руководил театром «Детектив», выпустил книги «Мой любимый клоун» и «Агния, дочь Агнии». В 1996 году поставил фильм «Дон Кихот возвращается», в котором сыграл главную роль. Он озвучил многих персонажей мультфильмов, среди которых Крокодил Гена и Карлсон. Ливанов и сам выступал в качестве режиссера и автора сценариев мультфильмов. В 1988 году был удостоен звания народного артиста РСФСР.

— Ваш отец очень как-то интересно выразился про партию, назвав ее «видом группового помешательства». А вы как относитесь к партиям?

— Я не считаю, что художник должен быть в партии. Я в партии, которая называется «Искусство», потому что эта партия всегда несет оптимистическое начало. Искусство всегда несет надежду. Те политические партии, которые хотят оптимизировать жизнь, которые несут надежду, — мои союзники.

— Вам не кажется странным, что на виду большей частью деятели искусства, чья позиция чудесным образом совпадает с позицией власти?

— Это было всегда. Всегда есть деятели искусства, которые обслуживают власть.

— А вас звали обслуживать?

— Были попытки. С разных сторон. И я не сказал бы, что они были робкие, наоборот, очень откровенные.

— Как вам кажется, почему сейчас стало как-то неловко говорить о гражданской позиции?

— Кому стыдно?.. Мне вот непонятно, почему идет такая кампания: если скажешь, что ты русский, да еще патриот, то тебя тут же записывают в антисемиты. Какая чушь! Это все от желания разделить, разорвать связи, ведь если их разорвать, можно разрушить и страну. А это уже политика отторжения. Если я гражданин своей страны, то почему же у меня не может быть гражданской позиции? Помните у Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»?

— Это актуально сегодня?

— Это всегда актуально! Мораль и нравственность первичны, а экономика — вторична. Безнравственный аморальный человек никакую экономику создать не может. Он может только набить себе карман, если он не гражданин и не работает на общество.